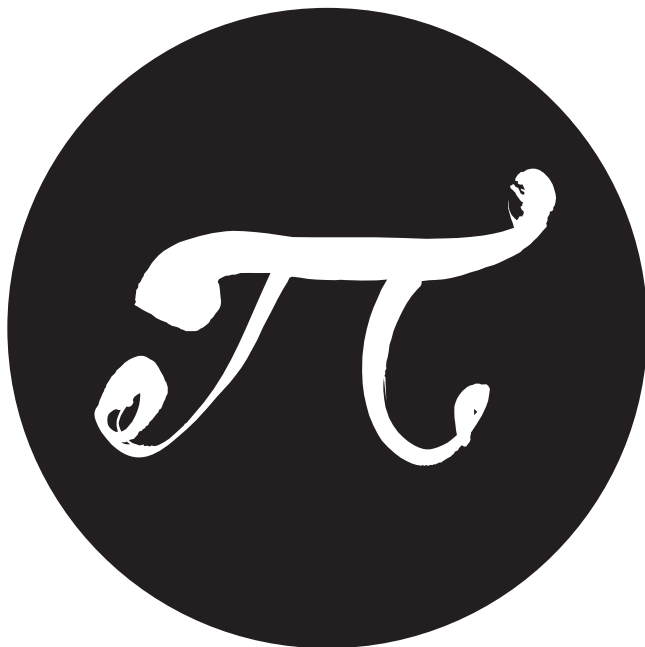

Р І а с е Н И Г Д Е

Place **НИГДЕ**

Передвижной фестиваль актуальной поэзии

Томск 2012

ББК 84(2p)6-5
А68

А68 **PlaceНИГДЕ:** Альманах актуальной поэзии. – Томск: ИД СК-С, 2012. – 86 с.

ISBN 978-5-904255-21-3

Альманах актуальной поэзии и интерактивное действо на улицах сибирского города Томска... Новый жанр современного концептуального искусства? «Текст» и «дискурс»? Очередная «немогомолчанка» или «пощечина общественному вкусу»? Искусство быть живым...

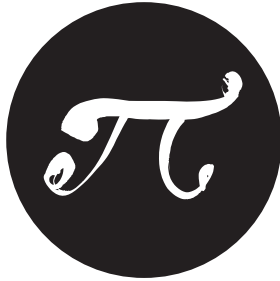
Художественное оформление
Евгений Васечкин

ISBN 978-5-904255-21-3

© Макс Батурин, наследники, 2012

© Авторы, стихи, 2012

© ИД СК-С, 2012

РiaceНИГДЕ – это метафора путешествия, которое совершает поэт. Из Москвы в Петушки, из Нью-Йорка на Марс или в соседний гастроном. Поэты любят путешествовать чуть больше остальных людей, потому что событие стиха сложения редко свершается за письменным столом, гораздо чаще – в дороге, где-то между пунктом А и пунктом Б. В момент сложения стиха поэт имеет отсутствующий вид. Он в мире отсутствует, он – нигде. Поэтому **РiaceНИГДЕ** – это координаты вдохновения. Самые точные, какие только могут быть. По крайней мере до тех пор, пока мы пользуемся словами.

Но не всё так абстрактно...

31 мая 2012 года **РiaceНИГДЕ** локализуется в Томске как передвижной фестиваль современной поэзии.

В этот день город будет прочитан как текст.

12 авторов (количество случайно: апостолы и стулья ни при чём) отправятся в путешествие по местам, где поэзией обычно не пахнет: завод, тюрьма, трамвайное депо, Университетская роща, Воскресенская гора, возможно, зал ожидания на станции Томск-I (переговоры с РЖД ещё идут) станут площадками для чтения стихов и махания фестивальным флагом.

Следите за новостями...

Фестиваль и эта книга посвящаются памяти Макса Батурина, который обошёл Томск много раз и читал стихи в самых неожиданных местах.

Макс Батулин (1965–1997)

Поэт, журналист. Основатель «Всемирной ассоциации нового пролетарского искусства» (с А. Филимоновым и А. Скачковым). Выступал с провокационными чтениями стихов по всей Сибири, публиковался в томских газетах, антологиях («Антология русского верлибра», «Нестолличная литература» и др.). Прижизненная книга называется «Сказано вам русским языком» (Томск, 1994).

Я НЕ БУДУ МОЛЧАТЬ НЕВПОПАД

* * *

Чтоб сдатьсь русским, я оставил Данциг. Потерявшая загар, прижимаясь к стене, белой извёсткой не замарайся, красавица. Покинь Мытищи, чудовище. Нет снега. Там, далеко, ты плачешь, забыв. И совсем не я сосу твою грудь. Родина опростоволосилась! Не коси под латиницу, падла. Тине тунца не объять. Забежал перевернуть листок календарика. Тётя пришлёт из Смоленска лайкру. Осенью операция будет, а пока вымой пол. Голодные не едят – они жрут. Всё это – переводы. Привет М. Веллеру. Валера. К чему эти телефоны? Спать не хочется. Под шум дождя за окном о разбитые и полуразбитые бутылки, зелень, землю и огромный осколок зеркала, под шорох абитуриентов в полутёмных бетонных коридорах, не сняв рюкзака, думаю: сахар нужен был ночью, а теперь – чай.

Жабры ребёнка не предназначены для моих матов. И глаза – не для ужаса созерцанья отца. Я уйду к пожирателям ацетона вослед за Мариенгофом. Неся вчера Иванову Лейбница, я шёл мимо.

Презервативы – в неоконченной предсмертной чудесной прозе Нагибина, но не между же нами. Сказала мать: «Бывает всё, сынок». Славно мы пели в окно у сортира. С радостью вспоминаю. С радостью. Помни хорошее, записи съешь, перед тем как оставить Данциг, Тирану, Софию...

* * *

Agnus Dei! Твой анус не для блудодеев.
Интеллектуалы, отбросив лекалы, сдвигают бокалы.
Когда я решил её выдать за брата, она меня выдала за 300 000 купонов.
Наша печаль опечатана! В узкую щель бытия мы вползаем сухими.
«Химия» на суахили... Боты Батыя. Заботы Питера Боты. Пакеты для рвоты.
Сны разъярённых будильников – о седьмой печати. Весело кончивши, любо нам бодро начати.
Сизые сны коробейников счастья. Велопробеги сквозь мглы и туманы за чачей.
Новые деньги – не радость для Таньки и Генки. Скоро зима, и всё те же у нас претенденты.
Влезши на танк, начинают фокстрот презентанты. Мы не мутанты. Нас помнят столицы Антанты.
Спившийся мент меня приглашает в агенты.
Рот полон пены. Спасительно вдовье колено.
Эй, вы, экскременты! Идите вы все в президенты!
Ёлы-палы!
Как Петипа,
мы все пятипалы...

* * *

Ларисе Лисициной

Летних снов легкокрылое бремя
лебедей непокладистых ноша
кошечки сизая кожа
дом сумасшедших имени Еврея

ожидание сиреневых воспоминаний
о портвейне в карманах во всех

чемпион по лёгкой котлетке Ананьев
предосенне закутался в мех

ты пойдёшь править крышу свою потеряв
и тебя поцелует Сильвестр Сталлоне
уйди побыстрее простынешь на склоне
в избирательной щели застряв

* * *

Пищеварение расстроилось из-за нерациональности. Из-за нервов.
Из-за водянки. Если тупой – выбирай себе не тупее. Смейся. Манная каша не ждёт меня. Женщина запуталась в изоляции. Друг получил по башке. И ещё один. Что же мне ожидать, грешнику, должнику, счастливцу с разрушенной психикой, что, как не этот июнь – то дождик, то дождь?.. Как много прекрасных людей жили и умирали, рождаются и живут. Фамилии их я передал в редколлегию телефонного справочника, и не оттого ли мне так одиноко даже с тобой, любимая вамп?

Сирень цветёт в вашу память, Андрюхи. Приходите же делать массаж. Игорь прыгает с лестницы в небо. Его женщины – пленницы струн. Труд ночной повсеместное иго. Бремя индустриальных оков. Спали долго, забыли друзей. Телефоны фашистов забыты.

Я не буду молчать невпопад. Я усну до боснийского рая. Я несу это бремя туда, где колонны детей умирают.

День мы уже ни с чем не спутаем – так много прожито. Земляничная фабула в шоколаде. Это всё памяти ангела, поющего летнюю песню о ласточках в бурю. Это всё о сегодняшнем трепетном сне. О футболочке с рыбой, о Люсе. Если б видел меня Н. Щедрин – хохотал бы. Ведь нет головы, нет руки.

Пламенеет перо (не в боку – бока нет).

Ты – это данность, к тебе я иду. А сейчас ты придёшь, и текст уйдёт снова вовнутрь, и снова я маленьким стану и мягким.

Лебеди, лебеди сна! Всё всегда постоянно внутри – дай же, Господь, извергаться живьём, чтоб хоть кто-нибудь знал. Дай нам даль!

* * *

Уже с утра ты куришь, весь агдамный,
и хочешь, но не можешь в туалет.
Ты занят весь проникновеньем в даму,
как будто энной заповеди нет.

Смотри – летят!
Но что же могут птицы
сказать тебе, рождённому уже?
Ты, избежавший нестерильной спицы,
молись о жертвах.
И не будет жертв.

* * *

Дочери моей, Софии, посвящаю.

Мне нравится покорность пассажиров
что в зимний загружаются троллейбус

сопливою рекой они втекают

Мне нравится эпичность волейбола
с его богато убранною сеткой

болельщики толпятся у буфетов

За горизонтом гавкают гиены
у них желанье половое смолкло

Вот так и я своё тридцатилетье
без бороды и без жены встречаю

я в новую реальность отплыва-
ю-у-у...

Данила Давыдов (Москва)

Поэт, писатель, литературный критик, кандидат филологических наук, специалист по наивной и примитивной поэзии. Первый лауреат национальной молодёжной литературной премии «Дебют» (2000) – за книгу прозы «Опыты бессердечия». Ведущий полосы «Поэзия» в газете «Книжное обозрение» и хроники поэтического книгоиздания в журнале «Воздух».

ПОБОЧНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

* * *

**он был ещё маленьким
так с ноготок может ещё меньше
с молекулу атом субатомную частицу
совсем неведомым невидимым для окружающих
это создавало однако ж простор
возможность манипулятивных действий
принципиально безграничный набор преобразующих практик
может именно тут и кроется**

* * *

**так чтобы ничего не началось
или же чтобы никто не догадался что вот-вот начнётся
но при этом оно бы началось так сказать исподволь подспудно**

или же напротив чтобы все ожидали: вот щас ка-ак
а оно бы даже и не подумывало

* * *

а изредка заглядывая за некие невыразимые
рамки или так сказать ограничивающие вешки
обнаруживаются самые неожиданные приметы
говорящие о происходящем не то чтобы полней и точней
но по крайней мере несколько иначе
и отчасти более занимательным способом

* * *

пройденный путь был довольно тяжёлым
но там впереди говорят будет хорошо так хорошо
что у тех кто говорит по сути и нет слов

* * *

плавать-то не умели но тем не менее поплыли
и знаете как-то неожиданно сложилось
плывут глядите-ка
а ведь буквально вчера так отчаивались
плакали убивались
больно было на них смотреть
ежели даже эти вот так
то может

* * *

меняют вот знаки которые лежат в основе
самого нашего существования
причём делают это не спросясь
это заставляет вспомнить как в прошлом году
наши коллеги выходили на иной уровень

на ином уровне было темно и затхло
только где-то в самом конце коридора
мерцала единственная лампочка да и та вскоре погасла

* * *

крыши были залиты светом
окна блестели
по улицам шли и шли и не было им конца

* * *

табуируем те слова которые могут вывести из равновесия
весь наш в целом почти идеально выстроенный конструкт
он ведь дорог нам не только самим фактом существования
но и в конце концов приложенными нашими усилиями
он ведь такой тёплый родной плюшевый
но в то же время гляцевый и сияющий
он ведь лучше иных

* * *

с бережной открывался удивительный вид
открывался долго тяжело усилиями множества специалистов
открыли и тут же в неведомую даль убежал
пропали плоды трудов множества специалистов
и только внизу река течёт
унося с собой

* * *

в этих тривиальных картинках
есть нечто незаметное на первый взгляд
и только если всматриваться долго-долго
практически медитировать раствориться в изображении
потерять казавшиеся такими привычными ориентирами

в сущности отказаться от себя
можно заметить

НЕВЕДОМЫЙ БОГ

1
ковром покрыт бомбардировок
какой-то дальний островок
а ты ненадобный обломок
кривляешься у ног
того неведомого бога
который всех вооружил
не чаешь мира ли побега

ну ладно я пошёл

2
костолом под столом совершает работу
на самом же столе выстрелом холостым
прекращённый лежит фантом за свободу
принятый ну и неведомый бог бы с ним

постная хирургия кукловодов и хороводов
естествоиспытателей прочих природоведов
гарантирует окончательную победу
полностью предотвращает обиду

3
найденные предметы не трогай
сообщи сразу водителю
если идёт чужой кто нашей дорогой –
пожалуйся-ка родителю

вообще отсоси руководителю
во имя неведомого бога

но вот говорят нет кричат с порога
ату мол ату
эту ли ту
сторону нам принять не понять
возлюбим же красоту
и немедля начнём стрелять

Наталья Нелюбова

(Томск)

Поэт, композитор, певица. Стихи исполняет на собственную музыку в сопровождении оркестра «Нелюбова Бэнд». Выпустила альбомы: «Песни южных провинций» (1996), «Малые этнические пляски» (2001), «Карп и его свирель» (2003), «Сомана КуКуН» (2005), «Последний концерт внутри кукушки» (2008).

БУДТО НЕ ЛЯЖЕТ ЛЁД

* * *

**Если я говорю, что не сгорю, –
ты мне не верь.
В зареве неба, в самом краю,
где-то есть дверь.**

**Где отворю – сразу войдут
колос и мак.
В этом краю пчёлы поют
и собирают мёд,**

**будто не упадёт знак,
будто не ляжет лёд...**

* * *

Жили на свете Оля и Ваня,
и состояли они из воды
настолько, что если б не эти названья –
никто бы не знал, где Оля, где Ваня,
где лошади, где цветы.

Они-то и сами не знали,
когда тот поток завязали,
что неразделимы тела и слова.
И кру́гом идёт голова...

* * *

*Посвящается Кэндзабуро Оэ
(При участии А. Михеева)*

Вор проникает в дом темнеет
Настроение вечернее лечь бы поспать
А за окнами сакура глаз не оторвать
Весна
Вор проникает в дом Как в песню
проникают слова придуманные на небе
как зерно проникает в почву
как мышь проникает в кота
Вор проникает в дом
Не включая света
рассматривает драгоценности в шкатулках
Из окна сакура намекает ему что он сволочь
Вор плачет и суёт драгоценности за пазуху
Сквозь слёзы сгребает пачками деньги
в грязный холщовый мешок
ищет и находит спрятанный холст кисти Рубенса

и тоже присваивает себе рыдая уже в голос
Жуткий голод прерывает его поиски
Вор открывает холодильник и видит деньги
Где еда? Я должен поесть...
В буфете в банках из-под варенья
грудами свалены золотые самородки
Вору становится дурно он хватает стакан чтобы налить воды
из крана падают два крупных изумруда
а потом летит мелочь алмазы всякие
и тут же скатываются в нутро раковины
Вор не закрывая крана бежит прочь в ванную
и вдребезги разносит крышку унитаза
Из сухого бачка на него падают древние рукописи
и гениальные чертежи
Он в ужасе выскакивает оттуда
и пытается открыть окно в гостиной
но убеждается, что это стена
– Сволочь ты! – внятно говорит сакура
Вор орёт и кидает бомбу
Всё взрывается и на него падают
бруски платины из которых сложен дом

Он лежит и молчит

– Такую песню испортил! – говорит сакура
и проникает в вора

* * *

(При участии А. Михеева)

Больше всего Шура боится сна, в котором
он открывает кофр, а там вместо гитары
за 7 000 долларов – старая лушпайка за 7 рублей.
Он льёт горькие слёзы во сне,
но спускается ангел,
гладит когтями его по головке
и тихо так шепчет: «Радуйся Шура,
цифра 7 постоянна, и, значит, всё на земле справедливо.

И только одна есть на свете несправедливость:
когда детям не хватает яблок.
Но, ты знаешь,
я тут ничего не могу поделать.
Так повелось с самого начала.
Я только ангел.
А ты знаешь, как Он относится к яблокам после того события».
И с этими словами он надкусывает
последнее яблоко в этом мире
и затем глотает его целиком.

И это его действие полностью заслоняет
потерю гитары ещё на 7 000 лет.

ЭТО

Это вода или тёмная кровь.
Берцовая кость всех кротов.
У меня в полночь цветёт любовь.
Раскрывается лотос снов.

Только не здесь. Тонко вверху.
Летает крот на левом боку.
Бог везде, а золото – здесь.
Пока не усну, иду по воде.

Лунные люди ходят туда-сюда.
Им подают на блюде чёрные города.
Лунный зверь проходит в кровь и уходит прочь.
Хлопает дверь, отворённая в ночь.
Остановись, путник,
зверем придуманный человек,
у тебя тёмная кровь, тонкая линия век.
Перелетает крот на левый берег.
Видит: а правого берега нет.

Летает крот на левом боку.
Роет город в холмах и метро.
Река течёт вдоль долин и ветров
и стирает время в муку.
Вот дом, что растёт вниз
из предков наших и их черепов,
вот тень от Луны, а вот – долгожданный кров.
Я спрашиваю себя: кто мы?
кого ведёт месть? кого ведёт кровь?
По карте этой страны
меня ведёт крот.

По землям этой страны,
по небу этой страны
меня ведёт крот.

НЕФТЬ

Будто бы их затягивает ночь.

Будто они идут издалека.

Белая,

белая,

белая,

белая река.

Чёрная,

чёрная,

чёрная,

чёрная нефть.

Я никогда не бывал там,

где под землёй светят ходы,

где чёрные люди идут через лес.

Я никогда не бывал здесь,

где солнце.

Где-то в центре Земли

в маленьких, тесных кроватках спит нефть.

Голубем белым,

вороном чёрным,

синим орлом вдали

иди её разбуди

и приведи.

Ты опускаешь листы – холода.

Дерево пляшет.

Путник стоит.

В империи, знаешь ли сам,

не хватает тепла –

вот они и идут.

Они и пришли.

В империи – вечер.
Гасят костёр.
Кусты переходят из края в край.
Солнце падает в шахту, ждёт.
Что в книгах зелёных моих написано –
читай, читай,
читай.

Будто в книгах моих написано: «Жить».
Будто в них обещали любовь, но не дали пока.
Будто в них есть свет, мёд, золотая нить.
Будто в книгах моих написано: «Всех
унесёт за собой
белее белых река».

Будто бы их оправдывает смерть,
будто они пришли издалека.
Чёрная,
чёрная,
чёрная,
чёрная нефть.
Белая,
белая,
белая,
белая река.

Андрей Олеар (Томск)

Андрей Олеар – поэт «взрослый» и «детский», переводчик Шекспира, Д. Уолкотта, Викрама Сета, Леонарда Коэна. Перевёл на русский все английские стихи Бродского. Преподаватель специальности «литературное творчество» на филфаке Томского университета.

АНГЛИЙСКИЕ СОНЕТЫ БРИТАНСКОМУ ПОСЛУ

<2009-й – год 400-летия первой публикации «Сонетов» Шекспира в Англии. Видимо, в ознаменование даты, мне, одному из их переводчиков, не дали разрешения на очередной въезд в UK. Так, на всякий случай...
Четырнадцать дней ожидания визы в Москве даром не прошли. Сонетов добавилось...>

1

**Отец Лондон! Люблю тебя, как сын!
А мать же М. терплю и ненавижу.
Погода – дрянь. С утра лежу один,
как новенький пятак в навозной жиже.
В душе кисель, в мозгу сплошной туман,
сгущаясь, образуют постепенно
рой мыслей, чей воздушный караван
умчит мою тоску Большому Бену.**

Как долго киснуть так на берегу
Москвы-реки, томясь по Альбиону?
О, сколько б ни пытался, не могу
понять, на кой ей «пятая колонна»
в моём лице? (В вопросах проку нет,
но их в финале требовал сонет.)

2

Столица – в форме пыльного окна,
однако мне и этого немало.
Сколь терпит взгляд, внизу лежит она
туземным разноцветным одеялом.
Метафора унынья – частый дождь,
дырявая сантехника на небе,
и гулкий звук на чердаке похож
на то, что бог передвигает мебель.
Сколь чуток грозный ропот пустоты:
в сердцах ругнусь – и в Небе недовольство.
О, как бы шкаф н а м сбросить с высоты
на головы британского посольства
и трубным гласом возвестить ему
конец времён, холеру и чуму!

3

Пейзаж размыт – в Москве всё так же льёт.
Мозг третий день, как такса, аккуратно
обнюхивает комнату, её
всё так же находя, увы, квадратной.
Натура алчет выхода. Где он –
не скажет даже старый добрый Google;
лишь никотин выводит на балкон,
в квадрате обнаружив пятый угол.

Мир выцвел, как затёртое кино,
в нём каждый кадр превращаем в сито
свинцом дождя и времени. В окно
взгляд мечешь, словно шашку динамита;
и если б власть могла иметь тоска,
на файф-о-клок к послу пошли б войска.

9

Имперские столицы хороши
для быта, грёз и мыслей о хорошем.
Здесь радость хилых тела и души
в сожительстве с чужим великим прошлым.
Былых времён железные слоны
нелепо катят по его брусчатке,
бюджеты освоения Луны
реальней выживания Камчатки...
И как Её Величества послу
не дать свиданки двум великим странам
в моём лице? (Здесь даже и ослу
страдать упрямством более чем странно.)
История – Ла-Манш: она всегда
течёт и разделяет, как вода.

10

Цветёт сирень, и воздух дивно свеж
(случайная романсовая нота)...
Обломки всех несбывшихся надежд
видней, пожалуй, с птичьего полёта.
Но мысль, как такса, по двору кружит
и носом буратиным дробно тычет;
как ты её, поганку, ни держи,
бежит домой с сомнительной добычей.

Как не принять к ней, дуре, крайних мер,
когда в зубах, сомкнувшихся так крепко, –
посол Её Величества и мэр
с бессмысленной и беспощадной кепкой...
Что музе стоит песню поменять?
Но ей, как глухарю, – не до меня.

16

Очередной нетрезвый день
в кибуце на Преображенке...
Сценарий с визой – дребедень
от киностудии Довженко.
Отары туч, дождя стена,
припадочно камлает лира,
что ей единственной дана
ответственность за судьбы мира.
Пророк, с межзвёздной высоты
уместно ли тебе сердиться
на брэнной этой суеты
шизофренические лица?
Оставь тоску, диван, рубли,
восстань и виждь! Ну и внемли.

22

Грохочет мысль как порожняк,
в тон – лифт, метро в миниатюре...
Созрела, радостно дразня
вкус, мысль картошкой во фритюре,
чтоб, ломанувшись за флажки,
волчиной шастать на пленэре
и целый день играть в стишки
в компании с «Кровавой Мэри»,

пугливым сусликом дрожать,
случайно выскочив из норки,
жрать впечатления с ножа,
обгладывая их до корки...
Порой такая ерунда
идёт в стихата, господа!

23

Сгорел дотла одиннадцатый день –
бессмысленный, как ожиданье визы.
В эфире тень на избранный плетень,
не помещаясь рожей в телевизор,
гнал спикер J. Подъезд разил мочой.
Склонясь к бумаге утомлённой выей,
поэт строчил всё так же ни о чём,
как будто в мире мало энтропии:
«Зачем зимой и в дождь кладут асфальт?»,
«В Лабуту жо...!», «Менты – сплошные йеху»...
Внизу страдал ночной собачий альт,
и двор соседский огрызался эхом.
«За что?» – как боб, до самых дальних звёзд
из точки рос волнующий вопрос.

24

За двадцать лет на остров, господа,
слетелось с берегов Гипербореи
немало птиц свободного труда
(за оный раньше вешали на рее).
Те – нынче бизнесмены – носят твид,
играют с Cristie's в «veni, vidi, vici»,
я сколько ни гулял по Риджент-стрит –
и там одни знакомые всё лица.

Весь демос – в пабах. Я и сам не прочь
дуть single malt (ага, губа не дура!).
Глобальный мир признал, что «бир» & «скотч» –
великая английская культура.
И вся Её Величества братва
усердно учит главные слова.

25

А мысль летит, собака, в Альбион –
похоже, что крылатая собака!
Там ждут её Шекспир, Блейк, Китс, Джон Донн,
Сент-Пол, великомученик Иаков;
быть может, ждут принц Кентский, Чандлер, Вуд,
друг Валентина с Дэниелом-мужем;
красавцы Исси с Несси также ждут,
да мало ли, кому ещё ты нужен.
Биг-Бен, Вестминстер, Оксфорд, Бейкер-стрит,
Atheneum, обнимусы & кэбы...
Но счастлив я, посольский скучный бритт,
что есть края свободнее, чем небо, –
Язык! И мне, как в море кораблю,
вольно в стране, которую люблю.

Андрей Полонский

(Москва)

Поэт, писатель, историк. Один из создателей Общества Вольных Кастроправов (2000). Автор нескольких книг стихов, а также книг по русской истории и сборника эссе «Апология Ивана-дурака» (2012).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

* * *

**Мне всегда говорили: сочиняй о других,
пиши, как в море тонет река,
как радуется перворождённая, попадая в стих,
как печаль отплывающих глубока...
Топот ног перед дракой, песни солдат,
форсирующих Терек, рынок в крови
после вечернего взрыва, тысячекрат-
ное о любви.
Вот я и отвечаю на языке камней,
календарей, камланий, ежедневного курса валют;
тем, кто стоял в стороне, конечно, видней,
кто у нас свят, кого у нас предают.
Но, наслаждаясь утренней тишиной –
два выстрела, визг тормозов, отдалённый гул, –**

я говорю только о том, что было со мной,
о чём плакал Овидий, кого ревновал Катулл.

ДЕРЕВНЯ

Но мысль ужасная здесь душу омрачает.

А. С. Пушкин

модем не может работать плохо,
но здесь у него только треск да крик,
ветер свистит, да хрустит эпоха
на полупроводниках

ни информации, ни письмишка,
байт за байтом сползают с экрана,
если чуть пораскинуть умишком,
поймёшь, что вот она, мать-нирвана

однажды так Содом и Гоморру,
в опровержение принятых схем –
блудники, грешники, проклятый город, –
погубил китайский модем

* * *

Когда-то, когда я гулял по Парижу,
на набережной Сены или где-то ещё в раю,
я думал, что этот город мне родней и ближе,
чем всё, что я видел, и всё, что люблю.
Я мог бы там ходить в гости к своим ребятам,
если бы моя бабушка прожила ещё тридцать лет,
но моя бабушка умерла от рака в тридцать девятом,
и друзей детства у меня в Париже нет.
Я мог в Маре иметь дом и работу,

без всякого пристрастия к тяжёлому физическому труду,
если б выбрал быть евреем, а не идиотом
(понятно, что я князя Мышкина имею в виду).
Но всё, что уже случилось, – уже случилось,
выбор сделан, оплачен, и мне пора на восток,
конечно, всегда есть возможность сдать тебе на милость,
но я знаю, что таких ты не любишь, и вот, прояснилось:

несмотря на все твои мавзолеи, музеи, парки, сады, туристок – я с
ней, Бог с нею, выпьешь кир, затягивайся, я не умею, сейчас научу,
смотри, ну дурею, играй в свою лотерею, ищи-свищи Лорелею,
меся, здесь уже лет сто никто не умирал за идею...

Ты голоден и жесток.

* * *

Девочка плачет: шарик улетел.

Б. Окуджава

Хочется сказать немного иначе
а то получается как-то хреново.
«Шарик улетел – девочка плачет.
Вернулся обратно – она рыдает снова».

Она просто плакса, капризная дура,
никуда не успела, ни по кому не страдала.
Подумаешь, шарик, тоже мне знак ажура.
Подумаешь, шарик, метафора идеала.

Девочка обрезает косы, читает Ницше, идёт на службу
и соблазняет ублюдка с весёлым зелёным взглядом.
И никакого шарика ей не нужно,
никакой метафоры ей не надо.

* * *

Я смотрю на то, как ты пересекаешь двор:
кепка в клетку, шарф, внакидку пальто;
я хотел бы завести с тобой разговор
о том, кто такой Рабиндранат Тагор,
Судзуки, Шекспир, Дато

Туташиа (это такой грузин-
армянин-абхазец, родина его – Андижан),
но ты – молока купить в магазин,
а я пьян.

Я пьян ветром, вечером, веретеном,
которое вертят парки, и где Эдем?
– Позитив – явный признак деградации, – как бы сказал Генон.
– Расовой неполноценности! – как бы заметил Рем.

Но вкус шеи там, где она переходит в плечо,
послевкусие жизни, когда оно переходит в коньяк,
и остальное – доля ангелов, пересчёт,
солдат, инок, печенег, мастер дзен, простак.

За вычетом трёх идей, сформулированных в двадцать лет,
я ловлю «да» и «нет», вслушиваюсь в голоса:
только закат, только рассвет,
лекарь, минет, кедр, секвойя, Дафнис и Хлоя, прочие чудеса.

Пусть один любит чётки, другой – наган,
пусть один ценит Фрейда, другой – Талмуд,
я доверяю только твоим ногам,
танцующим наше небо тридцать восемь минут.

* * *

Одинаковое безумие провоцирует снег и ветер,
только рыдать не стоит, ничего не стоит картофель,
свежий ангел летит по смерти, он умеет рассказывать детям
о хорошем, о добром боге, допивающем утренний кофе.
Ничего о катарсисе. Корень
из числа одиночеств, плесень.
Я уверен, что тот, кто не помер,
должен быть любомудр или весел.
У Харона хорошие вёсла,
небо чёрное, вскрики ворон,
здесь под гопников умники косят,
ничего, что прокисло, – берём.
Я умею лечить ожидание,
в мёрзлом воздухе – привкус бензина,
ян и инь завершают камлание
на дорожках амфетамина.
Что загадывать? – поле, и голое;
даты, символы занесены,
говорят говорящие головы,
сняты спящим синхронные сны.
Палево, передок или закрытая тема,
прёт, говоришь, от того, как тебя он берёт
в записках на чёрном экране, на грани сбоя системы,
на остановке троллейбуса возле Никитских ворот.

НА СМЕРТЬ ОСЬМИНОГА ПАУЛЯ

Он скончался в аквариуме.
Говорят, был уже стариком,
три года для них – о-го-го!
Больше они не живут.

Он знал своё будущее наверняка
и, когда умер, вообще отказался от всякой еды.
На том свете для осьминогов множество разных палат
предуготовлено, но самое существенное – он может переродиться:
стать стражником, певчей птицей, Евпатием Коловратом,
Моисеем, Гегелем и Леночкой Джапанидзе.
Для него ведь не существует времени,
и когда какой-нибудь футболист
захочет выебать Леночку
и она оголит свои длинные ноги,
будет ли это супружеская постель
или в автомобиле блиц, –
кто из них вспомнит о Пауле,
кто вспомнит об осьминоге?

* * *

Сумасшедший охотник не может ждать до утра,
мой приятель-перс курит гашиш.
На собаках ехать долго, а на самолёте – хандра.
Что делать? Дрочить, целоваться, пить водку, пока долетишь.

Французская чемпионка по карате
танцевала с тенью на пляс Дофин,
она представила pret-a-porter
в жанре нападения на мужчин.

Кто ты такая, кто я такой, откуда мы, приبلуды, куда
шизофреник-молочник в городе прифронтовом?
Дом оставлен две тысячи лет назад.
Мы сумеем, вычислим, всех полюбим, поймём.
Я, французский мой ангел, наполовину боюсь.
Я, этрусский мой маг, на четверть молюсь тем же богам.

Я мало того что грузин, ещё и индус –
алфавит деванагари разбираю, Ригведу шепчу по слогам.

Изучил нас – и душу терзает и не узнаёт,
высоко сидит, глядит далеко
тот, кто надежда наша, прибежище и оплот,
курит пыль времён, пьёт небесное молоко.

А ещё епископ есть один в Крыму – Дамиан, мне
о нём рассказывал друг, когда кончил пить.
Так вот, этот парень, настоящий епископ, говорил,
что лучше – чем стремиться в рай или там в нирвану –
прилечь, двинуться чем-нибудь странным,
что-нибудь обманное закурить.

И никакого повода тосковать, стеречь,
подбирать слова, страшиться за будущее племён,
поскольку тот, кто решил тело своё сохранить и душу сберечь,
уже погиб, уже несвободен, уже пленён...

Владимир Пшеничный (Томск)

Владимир Пшеничный родился в 1976 году в Томске. Окончил Томский политехнический университет, автор двух книг стихов: «Зёрнышко для голубя» (2001), «Бумажный ангел» (2005). Его стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Сибирские огни», «Октябрь», «День и ночь» и др. Лауреат премии им. В. П. Астафьева в номинации «Поэзия» (2008).

Я ПОДУМАЛ, ЧТО ПРАЗДНИК

* * *

**свои есть плюсы
и в китайских батарейках**

* * *

**из всех этих газет
я б парус склеил**

* * *

**два брата
оба Каины**

* * *

цены на морковь снизились на 7 %
средство от запоров
снова не помогло
остаётся почистить зубы
и выплюнуть
в раковину
последнюю строчку

* * *

четвёртый десяток
я всё ещё ученик
волшебника
но как прежде не знаю
так кто же я
дровосек или сказочник
учитель тихо сказал мне
Володя не распыляйся
для того чтобы рисовать зайца
нужна известная собранность

* * *

я подумал
что праздник
и постриг усы
я подумал
что праздник
и открыл окно
я подумал
но грязно
грязно
грязно
и вот

я порван
развязан
запутался

* * *

я несу кота купать
кот взволнован
но орать
он не будет
нет нет нет
я купил ему билет
в баню № 25
кот взволнован
но орать
он не будет от того
благородства своего

* * *

любовь

тебя здесь
рынок
а меня
луна
раздавленная птичьей лапкой
на два осколка
их зажму в ладонях
и стану резать
нити рынка
как цветы
и голову твою
венком украшу

* * *

умер я
с листком в руке
на котором «БРЕ-КЕ-КЕ»
выведено стариком
с головой как снежный ком
вот цена моим стихам
нищим на раскур отдам
раскурись-ка пеной слов
станешь весел и здоров
станешь снежен и могуч
ярок словно солнце
круч
ласкает пики
тяжело ли стать безликим?
привыкай быть неживым
лёгким
синим
сосны дымом
днём и ночью
молодым
днём и ночью
голубиным
тополиным пухом правь
наготу июльских улиц
...
Господи придай словам
моим
меткость острых сулиц!

Анастасия Романова

(Москва – Ялта)

Поэт, прозаик и публицист. Трижды номинировалась в лонг-лист премии «Дебют». Первая книга стихов вышла в 2001 году.

КРИЗИСНЫЕ ЧАСТИ ОДНОЙ БАРРИКАДЫ

ПЕСЕНКА ГРОМА СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Дикий я пустынный свет –
то льюсь, молчу,
то грохочу,
на чашку чая к тебе хочу
и конфет –
вот в окно и стучу.

Кафка, Ницше, продрогшие в реке мертвецы,
будут сахарницу с жадностью выедать,
Кьеркегор – старый датчанин в пепельном парике – молоть небо за нас,
и святые отцы –
за нас умирать.

...За дождь вороватый, лающий в трущобной дыре,
за ништяк сигаретки в синегорском монастыре.

ДУРНОТА

Сантехнические подробности квартир как картин
здесь ли нам место
нас тут не было в постоянстве
Нопфлер гитаркой выводит песню о ласковых зверьках
таких по ночам я встречала на тёщином языке
горного серпантина

о них потом говорят
как они рок-н-роллят в пропасти юных
протяжная ворожба к далёкой сверхновой
бескровной

в бестиарии простодушных
винтики без вины

* * *

просыпаешься ночью в поту, рабочие сны, полвторого,
ожерелье из лярв, дырявый забор на картине младшего Васнецова,
померещилась рыдь проточная у реки,
где беззубые встречаются старики,
в скромных рамках берегущие свою знаменную красоту, –
тёмногубые, неприступные, поклоняющиеся труду,
женихам, – мать их ньютоновскую прямоту!
мать их ситцевую простоту...

расплавленные механизмы – заводные зверьки –
в глухоте пружинами шелестят, как лапками – мотыльки,
за окном непогода нудит, пузатые лужи, проклятый глинозём, скребёт ноготком,
звезды изюм, чужой горизонт, берег короткий, где не был ни с кем знаком...

...не разбудите внука, пусть выспится, тяжёлые задают им нынче уроки...

* * *

Вольно иди
с заточкой в груди,
на волчьей тропе след
хвостом закрути...

зима – королевский цвет...

флеш-рояль
в свой очерёд
выпадет на февраль,

над лакшми-озером даль
шифрует берега,
мокрогубая пурга
сгноит печаль...

варганый ветер в гортань,
встань хмельной поутру в тьмутаракань,
из избы нараспашку по льду к рыбакам –

космос сверху седой, как косы твоей жены,
волчонка оскал кривозубого, жадного до ништяка,
подросшего на цепи с прошлой весны,

дала ли волчица ему молока,
или сам ты не дал ей материнских сосцов,
прибрал найдёныша за худы бока, за вумно лицо...

любовию каргопольской, белокровием засосёт дорогу, поди,
московского гостя к утру пригонит с мутью в груди –
«баньку растопим, водки найдём, ща, спасём, щенок, погоди!».

STOCKHAUSEN/ZEITGEIST

гложет пёсыя голова кость попсовозтажных снов, –
сумрак, халатики кухонь, спать на икее обнов, ой ли, любоф –
  сахарная парварда,
  сырокопчёная борода,
крути у виска, моя милая, юная киберсоседка,
в лифте написано на потолке – хули ты зыришь, какие нравы, о эмо,
сдохнем на одной клетке,
  я микросхема –
  ты микросхема, –

у переправы сойдём в неисправность
  поэмы, задыхаясь за быстрой паломой,
с чуйкой знакомого перелома, лаза за буреломом,
лететь через космос с тобой нам до пакисияния горизонта,
в отвесной пустоши
  вечно ребристого понта...

икота то гота, то гопника-идиота, то идиота того же,
  с прыщавой рожей,
на втором этаже душная в неглиже история кого-то и с кем-то,
по инструкции пожарного шланга –
  сладкоголосая кинолента,
  парагвайское танго;

лестница под уклон,
тяжёлый трафик эманаций через бетон –

  мамлеевскими паучками доброго каллиграфа –
  хоррор венозно-хиимерный, ужин мадьярского графа,
  к тому же

10-й летальный случай летучий в подъезде,
инфаркт вынесли, спеленали капустой,
обналичили, перекрестились, как на биеннале японского фотоискусства,
а если б умели – молились бы с чувством.

КИНОПРОБЫ

1

фотография непальского неопита в майке с лицом Боба Марли, тираж 10 тысяч
открыток:
дошёл на попутках до революционной ячейки, при попытке сбежать был укушен
коброй и парализован, чудом излечен наложением рук гнилозубой крестьянки –
марксистки.

2

выходишь как на парад конокрад
скотовидец сотовый трутень
гоняющий боулинг с ханьской бабочкой на груди

она процарапает усиком твой коридор
с детства ты держишь его предлинным ключом
боясь скважин больше чем распахнутых сквозняков
точка опоры – синие всполохи в темноте

3

в вагоне лучше быть голым солдатом
ласково потным облизывать поручни
ради бога сухим языком
приветствовать космических микробов –
тебе доверяют тебя не съедят без молитвы

4

пустыня оплакивает свои песчинки

5

vers – вересковая вышина
позиций нежная нижина
подобно египетской жрице
изжаленная вербеной надышанная ветивером пропущенная через каменное
ушко всепрощения Оригена
спящая на грибе осеняющая землю ядерным благословением
пеленающая ковчег (кочерыжка – его нутро)

без трусов и колготок и без пизды без кожи без цели
нашлась что сказать:
прикури

6

даждь дождь того ль бережёшь
кого отдашь кого приберёшь
приколешь как брошь бисерную на волосе вошь
али вотще не заметишь и мимо пройдёшь

7

- бытие
- керосин
- городище

дружище ничего личного

8

в подворотне пахло ницше
сохли свежие граффити
зашатавшись третий лишний

выругался на иврите
если ты тот самый зингер
для тебя я нина хагген
шива шанкар мои стринги
точно хокку цвета хаки

9
к лешему идут першие
клешнями рыщут тут тыщами
пищею в почве и почках застрочены
чьи-то тела бессорочные –

из почвы тела подземная всходят как почта посевами –
на тычинках древнего цветника
лежат пыльцой и радуются наверняка

10
между радом и аем
мы траншею копаем

Сергей Ташевский (Москва)

Поэт, издатель, активист московского самиздата 1980-х годов (сборники: «Попытка жить», «Собачье лето», «Кошмар», «Восковые года»). С 1998 года издает в Интернете литературный журнал «Периферия» (ныне – <http://russianpoems.ru>).

ЧЁТ – НЕЧЕТ – ВЫЧЕТ

* * *

**О печальной машинке замолвите слово –
и ни строчки, ни точки.
Только пыль на штифте, на каретке понтовой,
на железном звоночке.**

**Я такую возил на скрипучей коляске
в пригород невозможный,
чтобы друг мой, поэт, не рассказывал сказки,
что печататься сложно.**

**Жил да был в Бирюлёве, в его империях,
там найдись огоньку ли?
Был фашистом, а стал – православным евреем.
И теперь публикуем.**

Вот вам песня о том, как мы жили да были
без знамён-пистолетов...
Как ни пой, как ни вой, а не выдуешь пыли
из истории этой, –

только слово свинцовое выйдет оттуда,
чтобы сектор свой выстриг
бустер чёрного лака. Да лай ундервуда,
гитлерюгенда выстрел.

* * *

Вот и простор.
Его слишком много, простора.
Где проходит граница твоего уюта?
Корабельщику понятней: у юта.
Лошаднику – у вонзённой шпоры.
Астроному – у холодного окуляра,
склоняющего секунды и минуты
в угловые градусы относительно горизонта –
умозрительной границы в безграничье,
легко пересекаемой птичьими стаями.
Чёт – нечет – вычет.
История длинная и простая.

Слова, слова, густая патока слов
варится на огне моего уютного очага,
защищая от ревущего на улице ветра.
Это мой уют.
Это мой простор.
Это мои птицы и астрономы.
Ох, как их мало! Я прибавлю к ним

вжавшихся в землю солдат – червей траншейных,
закашлявшегося клерка,
да весь человеческий род, который
сам собой умножается и делится на части.
Но разве тут простор? Разве тут уют?
Чем нас больше, тем нас меньше.
Улицы пустеют, густеет интернет-варево.
Олбанский язык, тени теней.
Я уже почти вижу горизонт,
который скрипит
под настроенными винтами
больших рефракторов.
Мне бы простор в твоём зрачке.
Мне бы уют на Альдебаране.
Непроливашка Вселенной
выходит из употребления.
Наступает время
электронных чернил.
Чёт – нечет – вычет.

Какая нечеловеческая сила в беспомощности!
Какой страшный жест – развести руками!
Риторика, правь.
Делай с нами что хочешь.
Между уютом и простором –
ни там ни тут –
затерялись миллиарды жизней,
от которых добровольно
отказались звёзды.

Свет, свет.
По-разному, с разными промежутками.

Красное смещение, Вселенная ещё куда-то стремится,
завоёвывая копейки простора.

Гравитация.

Возможно, это тоже волны.

Теория струн.

Ничего не объясняет,

если у тебя нет дома.

Я был в самом важном месте,
я жил в самые интересные времена.
Хлебнул самого горького горя
и причастился самой чистой радости.
Я любил (или полагал, что любил),
я был любимым (или не знаю что).
Плотнее некуда. Просторней некуда.
Мой запах – человеческий запах,
мне не будет его хватать.

А что ты знаешь о том, чего не знаешь?
За маленькой шкуркой себя,
за ночным горшком надежды?
Распадаясь на атомы,
пародия Вселенной,
превращая жалость в жимолость,
память – в пару забытых букв?
Мы ведь даже не знаем,
кто изобрёл аркебузу.
Выборка случайна.

Закрой окно.

Ревут под окном моторы. Мусорные машины
потрошат баки.

Выборка случайна.
Ты становишься пугливым школьником,
которого на самом деле
мысли о смерти тревожат куда меньше,
чем мысли о жизни,
о его соседке через две парты.
Надо всего лишь решиться
и окунуться в неизвестность –
с головой.

* * *

Холод, холод, жду тебя,
как иные ждут огня –
не смиряясь, не грубя.
Что ты, сука, не приходишь –
верно, ангела перо
щекочет нежные лопатки,
лезет в чуждые сопатки,
всё ты можешь, всё ты хочешь,
сеешь вечное добро.

Я зову тебя, ау!
Я не вою – я зову,
на ответ развесив уши:
холод, холод по спине,
погуляй ещё по мне,
не надо в душу!
Ночь шершава, как тетива.
Из коротких конских волос
петухи подают голоса
солнцу; с той стороны планеты
набирает силу трава

и пожары идут вразнос;
через каждые полчаса
я закуриваю сигарету.

Безветрие

Только псиный короткий лай
только бабочки о стекло
каждый звук выбивает сто
В мишени круги пусты
трава уже отцвела
Но время ей не пришло
Не дрожит листок
Отдохнёшь и ты

Безветрие

Я не знаю с каких опор
эта музыка сорвалась
Падая в тишину
падая в тишину
слышу короткий спор
конь рвёт коновязь
рыжий ржёт на луну

Ураган

Ночь как блаженный бред
дай мне один билет
выведи под уздцы
на ледяной паркет
лунного холодка

на продувной рассвет
из этого здесь и пока
Не спотыкай копыт

Тишь

Знаешь зачем я есть?
Чтобы ловить вопрос
и переправить вдаль
в белую неба взвесь
звёздных седых волос
Жук попавший в янтарь
май попавший в январь
знают зачем я здесь

Безветрие

Ночь краткая как узда
за которую тянет гром
Задыхаешься
Но конюх подстёгивает отстающих
Из наших здесь и всегда
из наших там и потом
никого не останется
в этой пустой конюшне

Данил Файзов (Москва)

Поэт, литературный деятель. Стихи публиковались в журналах «Арион» и «Знамя», а также в Интернете. Вместе с Юрием Цветковым организовал проект «Культурная инициатива», в рамках которого проводятся литературные вечера на различных московских площадках.

КАПЛЯ

* * *

Когда и воздуху отчитываться не за что,
и в воду не войдёшь за просто так,
горчит уверенность, чаёвничает горечь, –
какое там случайно, невзначай?
какое – брату? Я себе давно не сторож.
Червонец мятый и затерянный пятак

в пространстве – тело дышит и смеётся,
не ощущает ни вины, ни пустоты,
одето в новые и чистые одежды.
Ты сомневаешься, что твой карман порвётся,
что всё сорвётся, чай остынет и прольётся.

Но руки вымыты, и помыслы чисты.

* * *

В лес небывалый, простите, совсем не пойду.
Там окликает лесничий и белки по расписанью.
Лучше я птицу грача или галку найду,
пусть они слушают, но берегут расстоянье.

Что, я в лесу? Ну а я же просил: ни за что!
Мне же про ваших дурацких синиц не напишется...
Лес хоть потёмкинский, может быть даже Таврический, –
я раздражаюсь, и месяц всё более пишет:
«птица», «сума и тюрьма», «поводырь», «решето».

* * *

Простой, глубокомысленный вопрос:
о чём ты говоришь, когда не слышит
ни собеседник твой, ни за стеной
не шелохнётся невесомый ворс?
Ты думал, говорил и не донёс!

Неси опять звезду и небосвод.
Ты слышишь, форточка давно дождём поёт?
Так присягают роза и луна,
я преклоню колени и застыну.
Смотри: и ягоды, и молоко, и мёд,
ромашки-незабудки холостые,
я присягну ладонями пустыми...
Жизнь теплится, вот-вот произойдёт.

ЛЫЧАКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЕСНОЙ

Разница в ощущениях
Южные кладбища поражают спокойствием
умиротворением

И даже тишина на кладбище во Львове
прозрачна

в отличие от северных (Красноярск, Вологда, Екатеринбург)

Там мрачно, и гнетущая тоска тянет, тянет,
как то, что отличает скорбь от печали

Свои могилы или чужие?
Наверное, не только в этом дело

Красивые памятники, надгробия, белый камень?
Но вроде не Лувр и не Русский музей

Прошлогодняя листва под ногами,
солнечные лучи пробиваются через сосновые ветви
На львовском кладбище весной ждётся появления зелёных листьев
И продолжения жизни

* * *

Как же мне не хватает моих любимых...

Б. Кенжеев

Прощаться хотели бы все неприглядные птицы,
все смешинки дурачества, дальше – забавней гореть.
Но закончены велосипедные спицы и вся чечевица.

Все ушли от меня, все любимые дни и любимые лица.
Вам того же, и вам: и удачи, и счастья, и не постареть.

Как ты думаешь, я вот им так пожелал
не стареть, но, быть может, исполнят?
Как ты думаешь, я целовал –
ну хоть кто-нибудь вспомнит?

Горький шелест осоки и жалобный шелест ольхи.
Кто стоит над тобой, в двадцать лет в колыбели?
Это твой человек, он свои обожает стихи
(это я) и, конечно, не ведает цели.

* * *

Разночинец летел на работу, спешил, запыхался.
Остановка-желудок-по-требованью-чебурек-на-Полянке.
Разумеется, так хорошо на бегу, но не хватит таланта
позвонить и сказать: «Оставайся. Ну что ты?.. Остайся».

Через день отмечается праздник. Ещё через два
он отправится в отпуск, и спешка проста и понятна.
Успеваемость выше и выше; прилежна, чиста и опрятна,
от бессмысленных знаний свободна его голова.

Голова – это главное. Мысли в порядке, и, если успеть
поселиться в метро, между слоганов и объявлений,
можно все интересные книги сложить на колени
и, пока не увидел никто, потихоньку стареть.

Нахождение себя и потеря лица, мытье рук,
становление нервным, веселье и думы о ближних.
Разночинец молчит и вдыхает весеннюю свежесть.
Он задумался вдруг.

* * *

Даниле Давыдову

жалея и плача говоря и споря
еле ворочая языком во рту набитом галькой
только дионисийское выдаёт в тебе насмешника трубадура героя
грудь в крестах как коньячная этикетка в медалях
на Патриарших выпили и не узнали горя
счастье бродило рядом но мы его не узнали

только дионисийское ветрено талантливо высоколобо
лёт через край вырывается из гортани
выдохом после первой это такая свобода
занюхивать дрянной коньячок обратной стороной медали
говорить как же меня всё это достало
за какую мелочь нас опять купили
какое пошло нам опять продали

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ ПРОБЕГА

В 1997 году
на трассе М-8 с другом безнадёжно застряли
у населённого пункта Пречистое на второй день пути

Будете смеяться
и смейтесь
идти по трассе двое суток 460 км –
верх непрофессионализма
но друг-буддист именно так понял суть стопа –
идти

в этом Пречистом
мы стопили около куста ежевики
она кололась

вспоминая об этом после 20 тысяч километров пробега
и после того как я ушёл в отставку
в яндексе набираю слово «ежевика»
кликаю на картинки

отчего после удара
по клавише enter
на подушке указательного пальца
выступает капля крови

Андрей Филимонов

(Томск)

Поэт, прозаик, тележурналист. Автор нескольких книг стихов и прозы. Публикации в сборниках «Нестолничная литература», «Антология русского верлибра», в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Вавилон».

ПОКА РАБОТАЕТ «ДЕКАРТ»

* * *

Над Казахстаном роуминг навис,
с женой моей меня он разлучает.
Я странствую по бабам, как Улисс, –
она, как Пенелопа, изменяет.

Три златокудых в собственном соку,
она sake подносит им и хокку
с себя слагает, лёжа на боку.
Зевает, еле сдерживая хохот:

как все глупы – и я, и ты, и он,
и Бог над нами мудростью не блещет.
Ревнивый, он рассеял Вавилон,
чтоб мы слова любили, а не вещи.

* * *

Путь в тысячу ли
начинается в зарослях тысячелистника,
где не догнал Ахилл
черепашу, ударившись в мистику.

Я тысячу лиц
облаков покажу тебе, лёжа у муравейника.
Глядя вверх, падай вниз
и вдыхай аромат подмаренника.

Меняется ли
этот мир, когда ты утекаешь в подземные
горькие сны и пчелы
мечты о взятии зимнего

мёда тех лип,
что цветут в недоступности дивной у полюса?
На черепахе стоит
мир, с которым Ахилл рассорился.

* * *

Жизнь, займы тебе данную,
вернёшь с беспроцентной кармой.
Марат уплывает из ванны
в Стикс с Шарлоттой коварной.

Висельник гадит в кальсоны,
с прибором кладёт на этот
свет. По верёвке Вийона
муравей с душою поэта

вверх ползёт. Дольше жизни
пред смертью секунда длится.
Люди, орлы и слизни,
сливаясь, меняют лица,

тела, конечности. Только
один в муравейнике Будда.
Вечно живёт и нисколько
не устаёт как будто.

ЕВРОПЕЙСКИЕ КАНИКУЛЫ

БЕРЛИН

В Тиргартен-парке пикникуют мусульмане. Неяркая степная красота Унтер-ден-Линден, этот дивный ордуниг деревьев одинакового роста кончается Рейхстагом. Пойдешь налево – попадешь в еврейский лабиринт. Здесь ордуниг заштормило. Земля изогнута волной, несёт какие-то шкафы или гробы – короче, очень странное 3D. Уйдешь туда – и пропадешь с концами, взорвётся мозг: зачем они убили так много человек, зачем разбили этот лабиринт? И кто же победил в конце концов, неужто дружба?

ПАРИЖ

Гуляя Латинским кварталом
похмелился в пивной «Метод»
добавил в баре «Декарт»
почувствовал что существую
ergo выпил ещё

На рю Арбалет химера
спорила с Хемингуэем
на чисто вийоновской фене
которую не просышь

Сейчас бы пойти к Нотр-Даму
послушать там рок-н-ролла
да покурить с Модильяни
Но на Монмартре жесьть
как нагревается крыша
как отрывается башня
Даже святые теряют
голову как Сен-Дени

Как отыскать несвятому
путь на рю Старой Жопы
в чреве Парижа где бары
открыты как книги

Пока открыт «Декарт»
я существую как дикарь
как сон химеры
на ветру
не зная меры
не умру...

ГЕНУЯ

Лигурия это такая аллегория
вечного лета
Литургия
дольче фар ньенте

Лежишь на скале и даже
в море нырять не надо

Потому что море приходит само
сколько хочешь
Прибой
и отбой душевной тревоги

Здесь душа узнаёт себя в каждой волне
разбивается с каждой волной о скалу
исчезает без всякого сожаления

Тело встаёт и прогнав с полотенца крабов
отправляется выпить эспрессо
в таверну под итальянским флагом

АЛЬПЫ

*(стихи, написанные на пакетике для рвоты
в самолёте одной европейской авиакомпании)*

– А что Париж?
– Так штопора же нет!
У меня указательный палец в бутылке застрял
(указывает на дно).

– А что Париж?
– Да, я сейчас парю
над Австрией, меж Моцартом и Богом.
Жру бутерброд, и не сказать, чтоб счастлив...

– А что, Париж и Вена –
города гарантированного счастья? –

Не то чтоб я не мог ответить ДА,
но я лечу в Сибирь, а это глупо.

– А что, Париж не плакал по тебе, когда ты уезжал?

– Я там довел до слёз одну особу.

Считается? Потом мы ели щи.

Нам ночь казалась голубою чашкой
из детской книжки.

И божья благодать, как медный таз,
нас накрывала раз... Да и не раз, если честно.

– А что Париж, я всё хочу спросить?

– О, там всё хорошо, всё хорошо...

МЕТАМОРФОЗЫ

1

Вот старичок
ведёт грузовичок.
Везёт металлолом
под снегом и дождём
по улице имени шурина Ленина,
чтоб заработать прибавку к пенсии
и, в аптеке купив упаковку элениума,
сны потом смотреть советские – с песнями
про самое главное, светлое, яркое...

А тут гаишник стоит с полосатой палкой,
с волосатой лапкой.

Говорит:

– Стоп, старичок!

Твой грузовичок

не прошёл техосмотр,
и сам ты не бодр,
а твой металлолом подозрительно напоминает бомбу...

Старичок кивает:

– Она

столько лет лежала дома у нас,
все ходили на цыпочках, боялись, что щас рванёт,
ели дерьмо, носили рваньё,
слушали враньё
по радио,
от страха весь мир загадили;
а сегодня я завтракал сухарём,
хрусть – и последний зуб сломан,
подумал – вот мы умрём,
а она останется одна дома;
смастерил грузовичок из старого зингера,
сотворил из кефира немного бензина
и поехал с этим ебаным стингером
до какого-нибудь вторчермет-магазина,

но, похоже, заблудился, старый пень, на хрен:
сколько ни еду – всё улица шурина Ленина;
куда ни гляну – кругом гастарбайтеры да олигархи
и совсем не видно нормального населения.

Мне страшно, дай хоть тебя обниму
и поцелую, ты не гляди, что я старый. –
Гаишник ланью метнулся во тьму,
и его не стало.

– Соплячок! – сплюнул старичок,
достал мобильничек,
сказал: еду-еду, бабки готовь.
Втопил газу,
FM-радио запело ему про любовь, флирт, секс, оргазм.

2

Вот старичок
из больницы вышел
снял штаны чтоб проветрить жопу
которая устала сидеть на стуле
на старом
скрипучем
советском стуле
в кабинете мрачного Айболита
который кашлял и ненавидя
пациентов вообще
а старичка особенно
не хотел признавать его инвалидом
созданным по образу и подобию
Демидурга, который этот мир сляпал
где все злые и никому не хватает денег
Старичок просил и даже немного плакал
а потом забил
на смерть забил костылём эскулапа

Если кто-то спросит
при чём тут жопа –
ответ простой
у нас не Европа
Согласно милицейскому протоколу
старичок недолго простоял полуголым

он нарочно устроил эту акцию протеста
чтобы нашему времени указать его место

* * *

Раньше хотелось химического счастья,
физической близости и пожрать.
Теперь больше книги с монашеской страстью
читаю – про плотника и моржа,

про надувную Офелию пьесу,
хайку про лошадь и светлячка,
комедию о лишении девства
и даже стихотворения про ВЧК.

Есть ещё милые недоразумения:
русский язык и немецкий язык,
в ДК кружки хорового, блядь, пения,
камасутра для пастуха и козы.

Странные вещи – как старые двери,
но Вещий Олег и Гордый Варяг
уже сговариваются их похерить
к годовщине великого октября.

Спонсоры сансары скинулись – Ленину
купили спящей красавицы гроб.
Секонд-хенд – это стиль целого поколения
в империи, которую загрыз микроб.

А сегодня в Кремле агрессивные клоуны
хоровое, блядь, пение устраивают опять.
Гуд бай, гомо сапиенс, – вы арестованы!
Вам списка корабликов не дочитать...

* * *

Едет поезд по пейзажу, по пространству, по сугробу,
поезд чешет, как цитата, как бегущая строка.
Пассажир выходит в тамбур, разминая сигарету,
он пространством недовольный, подозрительный субъект.

Объективно всё прекрасно, всё реально, как железо.
Объективную реальность охраняет проводник.
То её ударит ломом, то на ключ её закроет,
он с реальностью сурово обращается, как Бог.

Но субъект другого мнения,
нервный он и нетверёзый,
в тамбуре стихи бормочет
и по матери кричит:

– Вы затрахали меня, как пастух овечку!
Пусть железная эта херня улетит с моста в речку.
Объективная реальность, иди нах!
Объективная реальность, иди нах!
Быстро иди нах, кому говорят!

Тут проводник застёгивает китель
и отвечает, как строгий родитель:
– Наша железная херня объективна,
а та, что в голове у тебя, – субъективна.
И блестящую эту дистинкцию
или, может быть, – я не уверен, – дизъюнкцию
сейчас докажет наряд милиции,
раз уж ты не слушаешься Конфуция.

Юрий Цветков (Москва)

Литературтрегер. Как поэт и куратор участвовал в многочисленных московских и региональных поэтических фестивалях и книжных выставках. Публиковал стихи и статьи в «Независимой газете» и в журналах «Кольцо "А"», «Октябрь».

ОДИННАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

* * *

*Мне часто снится сон.
Я, старый,
сажу в глубоком вольтеровском кресле,
а за спиной,
за спинкой кресла,
стоят две взрослые красавицы дочки.
И я понимаю,
что я абсолютно счастливый человек,
что я в жизни уже всё сделал,
что мне больше ничего не надо
и не о чем беспокоиться.*

*Но самое удивительное,
что с двумя дочерьми стоит*

*моя такая же молодая красивая жена,
как будто годы
не имеют к ней ровным счётом никакого отношения.
Потому что я так люблю её.*

*Один мой товарищ говорит,
что я ему неинтересен такой,
ему интересен страдающий
Юра Цветков.*

* * *

Прежде чем станем плотью ничейного сада,
милый, воздай нам сполна...
Потухшее солнце, храни тепло нашей жизни.
Здесь рифмуется всё:
земля и небо, воздух и хлеб,
страсть и вода, огонь и забвеньё.
Скучен, кто этого не замечает.
Действительно, может, не видит.

Мне говорят: тяжело быть поэтом.
Я отвечаю: быть нельзя не поэтом.

* * *

Сращение теней на стене заоконных деревьев,
отблеск луны, или видно зарю.
Сизого света от ветки до ветки провалы отмерив,
каждую ночь на эту игру смотрю.

То в них колышется ночь, то в остатке движения
они застывают всего лишь на миг.
Что ж им не спится и не живётся – теряю терпение,
тенью к стеклу, невесомый, приник.

Не материальной, чем я, – но они останутся.
По всей земле этот театр теней.
Сплетённые ветви то вправо, то влево качаются,
будто живые, будто ещё живей...

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

В чёрном, фиолетовом, золотом
какой красивой ты лежала в гробу!
Не успел отцвести цвет твой – молодость.
Упокой, Господи, Ларису, Твою рабу.

За сельским кладбищем, там, за горами,
садились огромное солнце за край земли.
Воздух наполнен колоколами.
От всего отрешилась, ушла – и вдали

провалившиеся от времени холмики-предки.
Тишина. Днестр. Благодать.
До одури пахнут спелые яблоки.
Ещё страшней в такой красоте умирать...

* * *

Каждая смерть приближает твою –
так я думал, когда умирали даже малознакомые люди.
Соседи, с которыми едва здороваешься,
или люди, с которыми прожил какую-то часть жизни
или с которыми связана какая-то история
или представление о чём-либо.

Например, о любви.
Одна пожилая пара,

И тихо в комнате моей
уютной, больно, мама.
Давай любить ещё сильнее.
...На кухне капает из крана.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(из Боба Дилана)

«Русский имеет три глаза, да ещё с половиной, красных, как пламя.
И тянет он за собой цепь со звеньями цвета свёклы.
Он хочет ядом небо залить», –
скандируют люди с плакатами, те американцы, жгущие книги.
(Да ещё пожгли мы книги, штук пять-шесть, на прошлой неделе.)
«И конечно же, крысы,
что под кроватями ползают в Гарлеме, –
это русские крысы,
пожиратели наших детей».

ВСЁ ПРОСТО

(из Боба Дилана)

Звонит телефон, я взбешён.
Президент Кеннеди опять преувеличивает,
говорит: «Как думаешь, что нужно нам,
чтобы росла страна, как щавельное поле?»
Я отвечаю: «Всё просто, старина Джон.
Ты ещё там, алло?
Нужны Софии Лорен, Брижит Бардо –
и вырастет страна!»

* * *

Олигофрен с восьмого этажа
ходил по миру, удивлялся.
Я наблюдал его и улыбался:
олигофрен с восьмого этажа.

* * *

Было к Маяковскому дело.
Пришёл к памятнику. Поймал взгляд.
Сказал:
«Из собственного тела
построю город-сад».
И убежал.

* * *

Ночное молчанье земли.
Как странно, что я остаюсь.
Качается лодка вдали,
и страшно, что я не боюсь.

Потухшее солнце, храни
тепло нашей жизни.

Даниил Харченко
(Томск)

Родился в 1992 году в посёлке Ордынское Новосибирской области. Студент 3-го курса литературного отделения ФилФ ТГУ.

ПОД ТЯЖЕСТЬЮ СОЛНЦА

* * *

Таскать себя за волосы,
гнаться за самим собой,
прятаться в себе, как в окопе.
Подобно небу,
молчание хранить
в кулаке.

* * *

Я наступаю на трамвайные рельсы –
подшвами чувствую ток
вибраций, идущих к коленям и выше по телу.
Через мгновенье я буду
непреренно раздавлен
нахлынувшим ощущением
Жизни.

* * *

Так мы и не разобрали,
о чём хрустел под ногами снег,
что имело в виду сражённое дерево,
о чём навсегда замолчал
покосившийся дом,
чего не сказала калитка,
глухо всхлипнув нам напоследок.
И не заметили мы,
кто всю ночь бродил у крыльца,
на рассвете
тихонько поскрёбся в закрытые ставни,
чтобы пропасть навсегда.

* * *

Под тяжестью солнца
почернеем, просядем
и грязными ручьями
зажурчим по облезлым кюветам,
подбирая окурки, фантики
и детские корабли из линованной бумаги,
чтоб успокоиться близ придорожных кустов,
исчезнуть в земле так легко и внезапно,
навечно
став её цветом и запахом.

* * *

Мне снятся стихи,
парящие, как бумажные самолётики, –
всё потому, что я подсмотрел их
в замочную скважину дня.

Плывут они,
зыбкие и беспомощные,
как пух одуванчика
на прозрачном ветру.

**Алексей Яковлев
(Пушкино)**

Поэт, путешественник, редактор интернет-сайта Общества
Вольных Кастоправов (<http://kastopravda.ru>)

ПО ТУ СТОРОНУ ТИШИНЫ

Из цикла «Подорожники»

* * *

Чу! На Чуе ночуя,
чую чудо начал.
Человечки кочуют,
чтоб Господь не скучал.

* * *

В мирах незримых дует ветер,
дух гор, укутавшись в туман,
украдкой (что ли, спит шаман?)
в своей лазоревой карете
по глади озера проходит.

А дети крикнули, узнав.

* * *

рыбак прищурясь удит омуль
брат Авель гонит в небо скот
ложится солнце в терракот
как выдох оживляя глину
и плоть дрожит как окарина
когда ныряешь в небосвод

* * *

Сетями солнца (блики на воде,
на берегу и всё-таки – нигде)
меж отражений пойманный в силки,
из времени сплетаю узелки.

* * *

словно омуля олово-чешуя
волны байкальские солнечный луч шевелят

ПО ДОРОГЕ НА КОШ-АГАЧ

Долина, где умирают звуки, – великое ничто музыки и голоса. Как если бы у Шнитке под рукой оказались лишь пять линий электрических проводов, натянутых между тактами придорожных столбов, и только одна нота. Та самая, что выпадает из нотного стана, какую паузу бы он ни брал. Чтобы попробовать снова найти ей место, способное выдержать...

По ту сторону тишины, где терракотовые вершины ведут вялую и полную неги пляжную беседу, рассматривая обнажённые равнины высокогорья, а электрические провода ещё дрожат от ловких пальцев улыбчивого гитариста, Господь замолчал, чтобы послушать своё творение.

Но вместо признания, избавленного от привкуса присяги и клятвы, с губ срывается всякая ерунда. И музыка, включённая как можно громче, в автомобиле, мчащемся прочь, не спасает от ощущения возникшей неловкости – до самого перевала.

ПИСЬМО

привет, на улице плюс два,
вода стремится стать структурой,
вослед природе и слова
соблазнены архитектурой.
московский ритм, столичный саунд,
эклетика полночных бдений.
открыть, закрыть, открыть глаза
и дать на миг исчезнуть тени.
ни по Платону, ни по тем,
кто видел знак несовершенства,
а потому, что псевдодень
оставил нам лишь признак места.
фонарь, аптека, блоку в бок,
сосед блудит в подъезде с водкой,
а в сказке – был бы колобок,
мечтавший обернуться волком.
у нас хоть терем – не тюрьма,
сидят за стенкой гольмунд с янкой,
не дай мне бог сойти с ума
и есть на завтраки овсянку.
я ради слов несправедлив,
погасло время в свете люстры,
согревши чаю, маунталив
и клеа обсуждают чувства,

а может, насморк, холода,
и лоренс, подхватив простуду,
бредёт неведомо куда
найти и выебать герттруду.
«то участь всех...», таков сезон,
и я пишу о том, что осень
и на искусственный газон
сухие листья ветер бросил.
и эта мера красоты
у мегаполисной природы –
уже к прохожему на ты,
точней, конкретней год от года,
как будто признаки даёт
для чётко видимой границы,
чтоб жить, где «жившее умрёт»,
и не хранить, что не хранится.
и чай остыл, и свет погас,
дешёвый вирус мает тело,
я закрываю правый глаз,
чтоб выяснить, что видит левый.

КОШМАРИК

девочка серьёзная как старая дева
незваная приходит на вечеринку
чтоб подарить статуэтку
готичный такой пылесборник
череп, проступающий из материала
похожего на дерево
я – говорит – дарю каждому
кто ответил мне в блоге
к счастью на втором этаже

друзья раскуривают косяк
девочка расспрашивает прохожих
как выбраться куда топать –
знает где и кто её не ждёт

затягиваюсь просыпаюсь и правда
припоминается какой-то ЖЖ
но что она там писала, что я ответил?
странная мысль опередила молитву:
всё-таки не бумага и не подпишешься кровью
вряд ли б забылось

ПАРАДОКС

шутил ли шекли, сплюнув лизергином,
нам предсказав движение прогресса
к улучшенной способности ломаться
всё боле совершенных механизмов, –
но человек, обретший вдруг бессмертье,
в экзоскелете, с чипом на затылке
ещё не появившись, – устарел,
поскольку непригоден для апгрейда.

СОДЕРЖАНИЕ

Макс Батурин. Я НЕ БУДУ МОЛЧАТЬ НЕВПОПАД	7
Данила Давыдов. ПОБОЧНЫЕ ОРИЕНТИРЫ	11
Наталья Нелюбова. БУДТО НЕ ЛЯЖЕТ ЛЁД	16
Андрей Олеар. АНГЛИЙСКИЕ СОНЕТЫ БРИТАНСКОМУ ПОСЛУ	23
Андрей Полонский. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ	29
Владимир Пшеничный. Я ПОДУМАЛ, ЧТО ПРАЗДНИК	36
Анастасия Романова. КРИЗИСНЫЕ ЧАСТИ ОДНОЙ БАРРИКАДЫ	40
Сергей Ташевский. ЧЁТ – НЕЧЕТ – ВЫЧЕТ	47
Данил Файзов. КАПЛЯ	54
Андрей Филимонов. ПОКА РАБОТАЕТ «ДЕКАРТ»	60
Юрий Цветков. ОДИННАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ	70
Даниил Харченко. ПОД ТЯЖЕСТЬЮ СОЛНЦА	76
Алексей Яковлев. ПО ТУ СТОРОНУ ТИШИНЫ	79

РiасеНИГДЕ

Альманах актуальной поэзии

Редактор *А. Филимонов*

Вёрстка *В. Куприянов*

Подписано в печать 5.05.2012. Формат 145x170 мм.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура MyriadPro.
Усл. печ. л. 8,0. Тираж 300 экз.
Заказ № 84 – 29.04.2012.

Издательство Андрея Олеара (ООО «ИД СК-С»)
Россия, 634055, г. Томск, ул. Вавилова, 14.
Тел./факс: (3822) 493-400, 493-403.
E-mail: olearbox@yandex.ru